

Семь дней. — 2003 — 4-10 авг.
(N32). — С. 40 — 44

ЖЕНЩИНА, НАУЧИВШАЯ МАРКА ШАГАЛА ЛЕТАТЬ

«Мать рассказывала мне, что, когда я появился на свет, город охватил огромный пожар и, чтобы нас спасти, кровать, в которой мы оба лежали, переносили с места на место. Может быть, поэтому я постоянно испытываю потребность куда-то уехать». Марк Шагал был непоседлив, как перелетная птица. Однажды в детстве цыганка предсказала ему, что он проживет необыкновенную жизнь, будет любить одну необыкновенную женщину и двух обыкновенных, а умрет... в полете.

ПАРИЖ — МОСКВА

В 1973 году в Ле-Бурже под Парижем на авиавыставке произошла трагедия: разбился советский самолет «Ту-144». Десятки раз момент катастрофы показывали по французскому телевидению. Через два дня 86-летний Марк Захарович Шагал — уроженец Витебска и гражданин Франции (в советских энциклопедиях его называли «французским художником») — после полувековой эмиграции должен был лететь в Россию на собственную выставку. Был заранее приобретен билет на рейс Аэрофлота, тоже на «Ту».

В мастерскую к Шагалу зашла жена — Валентина Григорьевна Шагал. Несмотря на то, что она была значительно моложе мужа, главой семьи безусловно была она. «Марк, мы не полетим! — сказала она властно. — У меня нехорошие пред-

чувствия». Шагал посмотрел на нее своими безмятежно-васильковыми глазами, покачал седой кудрявой головой: «Мы полетим, Вава». Настаивать Валентина Григорьевна не решилась. Так уже несколько раз бывало в их давно сложившихся отношениях, и она знала, что если ее обычно покладистый муж вдруг заупрямился, то это непреодолимо...

Лететь Шагал не боялся, хотя в давнее предсказание цыганки верил. Просто он считал: чему быть, того не миновать. А о поездке в Россию Марк Захарович мечтал давно. Рассматривал фотографии, которые присылали ему во Францию русские поклонники: вот его родная улочка в Витебске, а вот и его дом. Трудно узнать! Крыльцо сломали, а по бокам пристроили по флигельку. И все же, если приглядеться... Все те же четыре окошка, васильковые рамы, узкие красные кирпичи, а между ними — голубые швы рас-

творя. Марк Захарович, объездивший весь мир, точно знал: только в Витебске даже строительный раствор — васильковый! Потом к Шагалу приезжал Андрей Вознесенский. Старый художник расспрашивал молодого поэта: «Какая она нынче, Москва? Есть ли на улицах автомобили?» В последний раз он видел русскую столицу в 1922 году. Тогда там была разруха...

Вопреки предчувствиям Вавы перелет прошел хорошо. Чуть не в первый московский день Андрей Вознесенский зазвал именитого гостя к себе на дачу в Переделкино. Андрей Андреевич вспоминает об этом так: «Шагал остановился посередине дорожки, простер руки и остолбенел. «Это самый красивый пейзаж, какой я видел в мире!» — воскликнул он. Перед ним был старый покосившийся забор, бурелом, ель и заглохшая крапива». И это после стольких лет, прожитых под ярким французским небом, в изысканном особняке, среди зелени, цветов и переливов солнечного света!

Еще за несколько месяцев до поездки Марк Захарович строил планы, как сядет в Москве на поезд и поедет в Витебск, в свой возлюбленный город... Но он забыл, что московское лето — это вам не французское, посидел в гостинице на балконе, его продуло... Вава сказала: «Придется поездку в Витебск отменить. В твоём возрасте простуды очень опасны». На этот раз муж послушался, и Валентина Григорьевна успокоилась: ее прежние позиции отвоеваны. Она и не знала, что в последний момент Шагал в Витебск ехать испугался. Из тех же писем от поклонников он знал: города его детства больше нет. Война снесла 93 процента домов. Красивейшую Благовещенскую церковь XII века, чудом уцелевшую в войну, зачем-то снесли в шестидесятых годах. Нет, лучше уж Марку Захаровичу не видеть, что стало с его родиной...

ВИТЕБСК

Еще недавно местом рождения Шагала ошибочно считали белорусское местечко Лиозно. На самом деле Марк — старший из 9 детей разносчика рыбы

Родители Шагала. Витебск. 1897 г.

Марк, Белла и Ида. 1917 г.

Хацкеля (по паспорту — Захара) — 7 июля 1887 года родился на окраине Витебска, которая называлась Песковатики. А в Лиозно жил дед по материнской линии, и маленького Марка туда возили, хоть он этого и не любил — дед был резником (так в еврейских местечках называли мясников), в сарае вечно сохли шкуры убитых животных, и это было до жути страшно!

Войдя в возраст и обнаружив в себе страсть к рисованию, Шагал покидает родной город: «В Витебске тогда было много столбов, свиней и заборов, а художественные дарования дремали. Ото-

рвавшись от палитры, я умчался в Питер». Но в Питере, а потом в Париже, в Нью-Йорке, да где угодно, он будет рисовать все те же витебские столбы, заборы, свиней, коз, лужи, скрипача, кучера, шарманщика, раввина... Правда, главную свою живописную натуру, которую он тоже будет рисовать много лет, 22-летний Шагал нашел все же в Питере. Ее звали Белла Розенфельд. Внешне она была очень похожа на самого Шагала. И это было поразительно, потому что Белла была красавицей, а Марк был не слишком хорош собой. А еще Белла была одухотворенной и воздушной. Зани-

Картину «Над городом» Шагал начал писать сразу после свадьбы. 1914 — 1918 гг.

Марк Захарович — учитель рисования в колонии для беспризорных «Малаховка». 1921 г.

малась в студии Станиславского, пробовала себя в литературе, интересовалась философией... В ее присутствии Марк испытывал невиданное чувство невесомости, парения и покоя. Часто он так ее и рисовал — безмятежно парящей в небе и себя летящим рядом с ней — над заборами, над свиньями, над столбами, над обыденным и милым Витебском.

Через год после знакомства Белла и Марк были женихом и невестой. Свадьба казалась делом решенным, и вдруг все изменилось — влюбленного юношу стала мучить какая-то смутная тревога, какая-то тоска... Словом, в один прекрасный день он вдруг взял да и удрал от своей невесты в Париж. Те, кто знал их с Беллой, пришли в изумление. А она сама хранила спокойствие. Будучи женщи-

ной необыкновенно умной и необыкновенно чувствующей, Белла понимала, что происходит с ее любимым мужчиной — лучше даже, чем он сам. «Его позвал в дорогу какой-то таинственный инстинкт. Как грача или журавля осенью! Но он вернется», — объясняла она. И все четыре года разлуки писала жениху письма — прекрасные, поэтичные, нежные...

КОМИССАР НА ЗЕЛЕНОМ КОНЕ

«Мои русские картины были без света, — писал Шагал из Парижа. — В России все сумрачно и имеет серовато-коричневый оттенок. Приехав в Париж, я был потрясен переливами света». И все же сюжеты его картин не изменились. «Париж, ты мой Витебск!» — это, по

мнению Шагала, было лучшим комплиментом. Жил Марк на улице Данциг, неподалеку от бульвара Монпарнас, в круглом кирпичном здании — это было общежитие художников под названием «Улей». Одну из квартир там занимал в то время Амедео Модильяни, другую — Фернан Леже... Все обитатели «Улья», как и положено настоящим художникам, бедствовали и даже голодали. Не имея денег на холсты, Шагал писал картины то на скатерти, то на простынях, то на собственной ночной рубашке. А в какой-то момент он опять почувствовал смутную тягу к странствиям. А может, это было неосознанное желание убраться подальше от надвигающейся войны: начинался 1914 год, и Франция была главным врагом Германии... Кто же знал тогда, что Россия — наименее подходящее место для человека, не желающего никаких войн и катаклизмов... А еще, конечно, ему хотелось к своей невесте, к Белле Розенфельд.

«И погасили мы Луну, И свечек пламя заструилось, И лишь к тебе моя стремилась Любовь, избрав тебя одну...» — написал Шагал вскоре после свадьбы. Теперь, в 1914-м, он как будто бы заново влюбился в нее — и во сто крат сильнее прежнего! Теперь Марк даже не понимал, как мог столько времени жить вдаль от Беллы, дарившей ему ощущение покоя и полета, все понимающей, все чувствующей. Нет, теперь уж он с ней никогда не расстанется — даже на месяц, даже на неделю, даже на день! И снова он рисовал себя и свою Беллу летящими в небе, свободными и влюбленными. А когда в 1916 году родилась дочь Ида, стал рисовать и ее.

А потом в России одна за другой произошли две революции. Советская власть казалась Шагалу «новой античностью», питомником, где обновленное искусство расцветет в небывалом великолепии. Сам Луначарский выдал ему мандат: «Товарищ художник Марк Шагал назна-

чается Уполномоченным по делам искусств Витебской губернии. Всем революционным властям предлагается оказывать тов. Шагалу полное содействие».

Шагал даже издавал декреты. Вот один из них, от 16 октября 1918 года: «Всем лицам и учреждениям, имеющим мольберты, предлагается передать таковые во временное распоряжение Художественной комиссии по украшению г. Витебска к первой годовщине Октябрьской революции». Это был небывалый, уникальный праздник, совсем непохожий на те, которые когда-либо где-либо устраивала советская власть: дома покрашены белым, а по белому разбегаются зеленые круги, оранжевые квадраты, синие прямоугольники (дело рук Малевича, которого Шагал пригласил из Москвы). Горожане в широкополых шляпах, с бантами в петлицах несут плакаты: «Да здравствует революция слов и звуков!» Какие-то дамы вышли на парад на ходулях. А над официальными учреждениями развевается знамя с изображением человека на зеленой лошади и надписью: «Шагал — Витебску».

Через несколько лет автор «Черного квадрата» вытеснит Шагала из Витебска, обвинив его... в консерватизме. Мол, Шагал напрасно до сих пор возится с изображением каких-то вещей и человеческих фигур, тогда как подлинное революционное искусство должно быть беспредметным. Целый год после этого Марк Захарович еще проживет в России, с увлечением работая... учителем рисования в детских трудовых колониях «Малаховка» и «III Интернационал». Как Макаренко, наравне со всеми пек хлеб, дежурил на кухне, качал воду из колодца. Тем временем Белла потихоньку распродала все свои фамильные драгоценности, чтобы прокормить пятилетнюю Иду — в стране свирепствовал голод. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы необъяснимые «внутренние часы» Марка Захаровича не показали, что пришло

время совершить новый «перелет». Не голод, не тяготы разрухи и уж, конечно, не страх перед новой властью, с которой Шагал пребывал тогда в полной гармонии, а какой-то неведомый инстинкт снова звал его в дорогу... В 1922 году художник вместе со своей семьей уехал в Каунас, оттуда — в Берлин, потом — в Париж. Через несколько лет из России стали доходить смутные, страшные и — увы! — достоверные известия о том, что советская власть крутенько расправляется с художниками, поэтами, режиссерами, исповедовавшими Новое искусство. Марк Захарович возблагодарил Всевышнего за то, что Он вложил в его душу жажду странствий — как оказалось, спасительную. В Париже Шагалы прожили вплоть до Второй мировой войны.

КАТАСТРОФА

На этот раз он чуть было не опоздал. Досиделся во Францию до самого прихода немцев! Нетрудно догадаться, что было бы с чистокровным евреем Шагалом, его еврейкой-женой, с их дочерью, попадали они в руки тех, кто еще в 1933 году, в Мангейме, бросал в костер шагаловские полотна. Но, к счастью, в мае 1941 года семья села на пароход, идущий в Америку.

В Нью-Йорк Шагалы прибыли на следующий день после нападения Германии на Советский Союз. Узнав об оккупации Витебска, художник написал ему (то есть Витебску) письмо: «Давно, мой любимый город, я тебя не видел, не упирался в твои заборы. ... Я не жил с тобой, но не было ни одной моей картины, которая бы не отражала твою радость и печаль. Врагу мало было города на моих картинах, которые он искромсал как мог. Его «доктора философии», которые обо мне писали «глубокие» слова, теперь пришли к тебе, мой город, сбросить моих братьев с высокого моста в Двину, стрелять, жечь, наблюдать с кривыми улыбками в свои монокли...»

А скоро мировая катастрофа слилась для него с его личной, частной, но не менее страшной катастрофой — в 1944 году в результате осложнения после гриппа умерла его единственная любовь, его жена Белла. Необыкновенная женщина! «Твой белый шлейф плывет, качаясь в небе...» — напишет он много лет спустя.

Девять месяцев мольберты с эскизами были повернуты к стене — рисовать Марк Захарович не мог. Он вообще ничего не мог — ни с кем-либо говорить, ни куда-либо ходить, ни чего-либо хотеть. Если бы так продолжалось дальше, он либо сошел бы с ума, либо умер. И тогда хитрая Ида (ей было уже 28 лет) наняла отцу экономку — потрясающую красавицу, лицом напоминающую мать, к тому же великолепно образованную и из хорошей семьи — отец Вирджинии Хаггард когда-то был британским консулом в США.

Шагалу было тогда пятьдесят восемь лет, Вирджинии — тридцать с небольшим. Нет, он по-прежнему любил свою Беллу, и смерть над этим была не властна. Но одиночество было для Шагала невыносимым! Вскоре Вирджиния родила ему сына. В честь одного из братьев Шагала его назвали Дэвидом. А вот фамилию мальчику дали материнскую, оставшуюся у нее от первого замужества — Макнилл (ведь Дэвид родился вне брака). В 1948 году вся семья, повинаясь шагаловской страсти к перемене мест, переехала в Париж.

Вирджиния, к которой Шагал со временем не на шутку привязался, оказалась похожей на Беллу лишь внешне. Увы, она была обыкновенной женщиной и не устояла перед парижскими соблазнами. Вот что писала в 1951 году подруга семьи Шагалов — Марина Антоновна Деникина (дочь знаменитого белого генерала): «Ирландка вдруг сбежала от Шагала с художником — то ли шведом, то ли норвежцем — и сына захватила с собой. Для Шагала это была большая драма, он да-

За несколько дней проявилась истинная сущность Валентины — властной, корыстолюбивой, ревнивой. Шагал подчинился ей полностью. 1962 г.

С Вавой. 1971 г.

GETTY IMAGES/FOTOBANK

же подумывал о самоубийстве. Его дочь Ида все время повторяла: «Надо что-то сделать, иначе он покончит с собой. Надо ему кого-то подыскать». В конце концов мы нашли Валентину Бродскую, которая тогда жила в Англии, и уговорили ее стать на некоторое время компаньонкой художника».

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ

В Париже Ида Шагал создала салон, где собирался весь цвет столицы — от Андре Мальро до мадам Помпиду. Вава (так близкие звали Валентину Григорьевну Бродскую) была вхожа туда и как дочь известного фабриканта, и как владелица лондонского салона моды. Она была моложе Шагала на восемнадцать лет. Хорошенькая. Нравилась Иде. Что ему еще было нужно от женщины? Ну разве еще, чтобы она была необыкновенной! Но необыкновенная женщина в жизни Шагала уже была, и другой такой в его судьбе случиться не могло. Марк Захарович был нетребователен и быстро привязывался. В общем, 12 июля 1952 года Вава стала женой Шагала.

Для свадебного путешествия они выбрали Грецию, и вернулся Шагал оттуда другим человеком. За какие-то несколько дней проявилась истинная сущность Валентины — властной, корыстолюбивой, ревнивой. И, что поразительно, тех же нескольких дней хватило, чтобы Шагал подчинился ей полностью. «Перелетной птице» будто подрезали крылья — поселившись с Вавой на вилле Коллин в небольшом средиземноморском городке Сен-Поль-де-Васе километрах в двадцати от Ниццы, он больше никогда никуда не переезжал (если, конечно, не считать рабочих поездок).

Потом Ваве, хоть она и сама принад-

лежала к «избранному народу», захотелось, чтобы творчество Шагала перестало ассоциироваться с еврейством. И художник подчинился. Для начала перестал рисовать раввинов. Потом Шагал вдруг пригрозил подать в суд на авторов еврейской энциклопедии, если они упомянут там его имя. Старый друг Марка Захаровича Яков Бааль-Тшува рассказывает о том времени: «Мы беседовали между собой на идише, но стоило нам на улице поравняться с кем-нибудь из французов, как Шагал тут же переходил на французский».

А еще Марк Захарович, по мнению коллег, под влиянием Вавы стал слишком мало думать о творчестве и слишком много — о благосостоянии семьи. На этой почве они рассорились с Пикассо. Великий испанец спросил Шагала, почему тот не выставляется в советской России. «Твоих работ в России тоже не видно», — ответил Шагал, — а ведь ты как-никак коммунист!» Пикассо рассмеялся: «Я знаю, почему ты не выставляешься в России: ведь там нельзя зарабатывать!» На счет России Пикассо был не прав — через несколько лет Шагал, как мы знаем, поехал туда, несмотря ни на какое влияние Вавы. И подарил Пушкинскому музею 75 своих бесценных литографий, чего с ним долгие годы не случалось (раньше-то Марк Захарович много работ раздаривал, но Вава считала это непристойным мотовством).

Больше всего Валентине Григорьевне мешало мужнино чадолобие. Ее отношения с Идой очень быстро испортились, и та стала редко появляться у отца дома. А всякий раз, когда Марк Захарович хотел подарить дочери что-нибудь из своих новых работ, Вава говорила, что картина уже кому-то обещана. Кстати,

основная часть рисунков (стоимостью в несколько сотен миллионов долларов) стараниями Валентины Григорьевны досталась ее брату, Мишелю Бродскому, которого Шагал не слишком жаловал.

Нужно ли говорить, что видеться с внебрачным сыном — Дэвидом — Валентина Григорьевна мужу запретила. На долгие годы с молчаливого согласия Шагала было наложено табу даже на упоминание Вирджинии Хаггард и ее сына. Пробовала Вава потеснить из био-

графии мужа и его первую жену, но тут уж она столкнулась с непробиваемой стеной сопротивления! Первая жена и родина оставались для Шагала святынями. А то, что он окончил жизнь с другой женщиной в другой стране, — это, конечно, не может ничего отменить...

Шагал умер 28 марта 1985 года в лифте, поднимавшемся на второй этаж. Пусть и не высоко, но все-таки вверх! А значит, он действительно умер в полете...

Ирина ЛЫКОВА

GETTY IMAGES/FOTOBANK

На фоне своих витражей в здании ООН в Нью-Йорке. 1964 г.